

УДК 821. 161. 1. 09

ЧЕЛОВЕК В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ЗРИТЕЛИ» (ЖИТИЯ И ЖИЗНИ)

Терешкина Д.Б.

*ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород, e-mail: terdb@mail.ru*

Предложена новая трактовка рассказа М.Горького «Зрители», входящего в цикл «По Руси». Рассказ рассмотрен не только с позиции героя-повествователя, но и в контексте упоминающихся в тексте житий святых, а также с учетом значимости имен персонажной системы текста, деталей, диалоговой организации рассказа. Идея рассказа сводится к горькой констатации поиска русским человеком чуда при абсолютном равнодушии к окружающей его жизни, где это чудо могло явиться. Житие в жизни, с точки зрения писателя, так же важно, как в Священном Предании, рассказу о котором жадно внимают «зрители» Прядыльной улицы. Идея про-является в интертексте житий святых в рассказе.

Ключевые слова: обыватель, жизнь, житие, страдание, смерть, милосердие

THE MAN IN THE STORY BY M. GORKY «THE ONLOOKERS» (LIFE AND LIVING)

Tereshkina D.B.

Novgorod State University by Yaroslav de Wise, Velikij Novgorod, e-mail: terdb@mail.ru

Proposed a new interpretation of the story by M. Gorky «The Onlookers», included in the loop «In Russia». The story is considered not only from the perspective of the hero-narrator, but in the context mentioned in the text the lives of the saints, as well as considering the importance of character names, system of text, details, dialog organization of the story. The idea of the story is reduced to a bitter statement of finding a Russian miracle with absolute indifference to the life around him, where a miracle could be. Living in life, from the point of view of the writer, is more important as in the Holy Tradition, the story of which will eagerly listen to «the onlookers» of Spinning street. The idea of intertextuality manifests itself in the lives of the saints in the story.

Keywords: philistine, life, living, suffering, death, mercy

Рассказ М. Горького «Зрители» был напечатан в газете «Новая жизнь» в октябре 1917 г. и, как полагают комментаторы, создан по нижегородским впечатлениям будущего писателя, относящимся, судя по всему, к концу 1880-х гг. [1].

Небольшой текст рассказа, повествующего о нравах жителей одного из типичных русских городов, посвящен размышлению об отсутствии у людей сострадания и милосердия. На глазах всей улицы умирает раненный лошастью сиротка Костька, и ни один из прохожих и жителей окрестных домов не сделал ничего, чтобы помочь несчастному. Авторская интенция очевидна, она выражена в прямых оценках рассказчика («Так странно: в пятнадцати шагах от меня лежит человек, нуждаясь в немедленной помощи, мимо него ходят подобные ему и – не хотят помочь. Не хотят...» [1, 476], «Несколько сотен людей живет в улице, все дома тесно набиты ими, над моей головой неумолчно возятся переплетчики, вся улица предо мною засорена признаками обилия людей. А я чувствую себя в пустыне и, несмотря на душную жару, в сердце у меня злой, раздражающий холод» [1, 476], «я начал убедительно доказывать, что нельзя бросать людей на улице, как собак, и что каждый человек, даже маленький, заслуживает сострадания» [1, 477]) и даже очевид-

но отражает смысл названия рассказа: «Они наслаждались даровым зрелищем в том настроении, которое всегда и невольно внушает наблюдающему за ними невеселую мысль о том, что все события мира совершаются для удовольствия бездельников» [1, 470]. Однако идея рассказа сводится не только к тому, что непосредственно выражено устами повествователя. Для понимания смыслового поля текста необходимо включение в него широкого пласта Священного Предания, которое звучит, в виде пересказа житий святых, из уст одного из персонажей рассказа.

В завершающей части текста повествователь, выздоравливающий у себя в полуподвальной комнатке на Прядыльной улице и ставший очевидцем событий, связанных с похоронами генерала и увечьем Костьки-сироты, слышит рассказ некоего «знатока римской жизни» о житии святого Вонифатия, мученика III в. Житие святого собеседник малообразованных жителей Прядыльной улицы пересказывает весьма свободно, пользуясь тем, что его слушатели не осведомлены в предмете разговора. Действительно, в русскоязычной среде было известно житие великомученика Вонифатия, читающееся в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского под 19 декабря. Как отмечают комментаторы рассказа, «по преданию, Во-

нифатий жил в Риме и предавался разврату, но, желая искупить свои грехи, отправился в город Таре за мощами христианских мучеников. Вскоре Вонифатий громко объявил себя христианином, за что был казнен в 290 году. По легенде, после «усечения головы» он ласковым взглядом приветствовал тех, кто пришел за его телом» [1, 622]. В рассказе безымянного оратора Вонифатий превращается в пьяницу, его долгая борьба за торжество христианства превратилась в один эпизод, в котором стремительно и эффектно совершается подвиг святого: он останавливает солдат, мучающих христиан, объявляет себя христианином; «Тут его сейчас схватили и – р-раз! – тоже голову напроць. А он преспокойно взял ее за волосы, положил под мышку себе и пошел по улице и пошел!», распевая «Христос воскрес» [1, 479]. Здесь оказались совмещенными житие св. Вонифатия и западная традиция почитания святых, принявших мученическую смерть через отсечение головы, в которой изображение святого с отнятой головой в руках (кефалофора) получает широкую традицию в визуальном искусстве, прежде всего скульптуре и живописи [3]. Известно еще одно упоминание об этом сюжете в русской литературе: в сцене разговора Федора Павловича Карамазова со священнослужителями в монастыре. Иеромонах отец-библиотекарь тогда строго отвечает, что «Ничего подобного во всех Четвх-Минеях не существует»; впоследствии выясняется, что Федор Карамазов слышал это от одного француза в Париже за обедом. Это указание важно потому, что на портале Нотр-Дам де Пари есть скульптурное изображение святого Дионисия-кефалофора. В русской культуре, далекой от натуралистичности в изображении святых, их мук и страстей (особенно скульптурных), подобный сюжет является чужеродным, заимствованным в поздние эпохи, когда зрелищность оказывалась важнее исконной русской созерцательности.

Именно это – жадное внимание к сенсации, к поражающему воображение – обнаруживают «зрители» Прядильной улицы. «Ах ты, боже мой! Поглядеть бы раз в жизни на эдакое чудо, а то – живешь, живешь...», – говорят они, веря рассказу о святом, несшем свою голову, ибо «так в житии писано, и «эдак – не выдумать!» [1, 479]. При этом смерть сироты Костьки с раздробленными ногами для них – привычное и не достойное внимания событие. И дело не в том, что Костька – не святой; они бы и к святому Вонифатию отнесли так же, как к реальному сироте: просто дивились бы («поглядеть бы!»). А учитывая, что свя-

той Вонифатий еще и не нес свою голову (т.е. «чуда», по мнению обывателей, и не было бы), то его бы еще и упрекали, как маленького Костьку, лезшего, по их мнению, куда не надо. Даже святость стала для «зрителей» лишь зрелищем; именно о таких говорил почти две тысячи лет назад Христос: «они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют <...> ибо огрубело сердце людей сих» (Мтф. 13: 13 – 15).

Кольцевая композиция рассказа лишь усиливает его основную идею. Похороны важного лица в начале рассказа, на которые вылезла посмотреть вся улица, стали «отъездом генерала в жизнь бесконечную» [1, 470] лишь для рассказчика, вспомнившего о человеческой сути чиновника. Похороны Костьки-сироты в конце рассказа лишь на время отвлекают от житий святых мучеников слушателей, даже не задумавшихся о возможном сходстве кончины прославившихся угодников со смертью в мучениях своего близкого, которому они вовремя не пришли на помощь. Примечателен диалог между обывателями и пьяненьким ломовиком Гущиным, везущим гроб с телом Костьки.

– Гушин – кого везешь? – спросил голос, рассказывавший о мученике Вонифатии.

Старичок извозчик охотно отозвался:

– Вашего... этого – сиротку...

– Коську?

– Его.

– Неужели – помер?

– А – как же? Живого не схороним, не бойсь! [1, 480]

Гушин, сам того не ведая, говорит жителям Прядильной улицы о том, что сирота был их, обывателей, близким («вашего... сиротку»). Жители остаются по-прежнему остаются глухими. Позабыв про Костьку в день его увечья, они теперь лениво удивляются: неужели помер? Старый извозчик своей непосредственной реакцией словно опять вызывает к их совести: «А как же?»; среди людей, которые бесчувственны к страданиям другого, смерть человека неизбежна. Но и этого не понимают «зрители», и переводят разговор (и вину) на врачей, которые, якобы, и повинны в смерти Костьки, потому что нынче «человек – нипочем, дешевле дров» [1, 480]. Обесценивание человеческой жизни, которое жители хмуро и равнодушно констатируют как факт, становится нормой их собственной жизни. И трагедия заключается в том, что они не являются силой, противопоставленной умирающему сегодня, они сами заложники общей для всех них системы ценностей; умирай они в мучениях завтра – будут готовы к всеобщему равнодушию, хоть и будут роптать, по обыкновению. Зрители и действующие

лица в этом непрекращающемся представлении постоянно и закономерно сменяют друг друга.

Духовная слепота «зрителей», глядящих, но не видящих, оттеняется в рассказе упоминанием мучающегося Костьки о том, что теперь, с раздробленной ногой, он не попадет на богомолье на Баранов ключ – святое место близ Нижнего Новгорода, место, где, по преданию, в начале XIX в. от слепоты был исцелен купец Баранов, построивший над родником часовню во имя иконы Богородицы Живоносный источник. Этой иконе, написанной в память помощи Богородицы в V в. в роще у источника близ Константинополя слепому Льву Маркеллу, будущему императору, молятся об избавлении от недугов телесных и душевных. Не дошел Костька до иконы и Баранова ключа, а зрители Прядильной улицы и не услышали его стенаний, поскольку, будучи видимо здоровыми, не видели они своей душевной слепоты и глухоты, от которых, как они думают, в чудесах излечивались лишь в житиях святых, а не в этой жизни, где человек так дешев.

«Знаки присутствия» Божественного, о котором так любили слушать жители Прядильной улицы, растворены в их собственном окружении – только рассмотреть их они оказываются не в состоянии. Умирающий сирота носит имя императора, о времени которого упоминает рассказчик житий: «Как турки Царьград забрали, тут пошло разорение... разорился весь народ и принял нашу веру...» [1, 480]. Царьград (Константинополь) был основан Константином, за распространение христианства прославленным равноапостольным, вместе с матерью его Еленой. Костька в рассказе М. Горького, сирота без матери и отца, наделен фамилией «Ключарев», словно несет на себе знак разгадки, «ключа» к обретению жителями духовного спасения, которое они искали в житиях древних святых. Жестоко-сердце, пренебрежение страданиями другого, душевная мертвечина жителей разорят их собственный город без всякого внешнего вторжения, без турок и прочих врагов, ибо внутренние враги человека страшнее: губят не только тело и земные царства, но и душу, для которой будет закрыто Царствие Небес-

ное. Бездушные жители Прядильной улицы сами становятся выродками-«кигошами», которым они называют юродивого Игошу Смерть в Кармане, ставшего причиной переполоха на улице и увечья сироты Костьки, которого не призрели люди, а отнеслись к нему с презрением. Потому и упоминается в конце рассказа Житие святых Кирика и матери его Улиты, на глазах которой сын ее погиб за веру; потом была замучена и убита сама Улита. Мальчик-сирота мучился на виду всего народа Прядильной улицы – и были они хуже давних нехристей, потому что почитали себя христианами.

Начиная с названия рассказа, все повествование и идейный его смысл сосредоточены вокруг ключевого корня слова «зреть». В этом корне удивительным образом заключены, в зависимости от контекста, противоположные смыслы. Если «зреть», согласно словарю В.И. Даля, – это ‘глядеть, смотреть, понимать, постигать’, то «зритель» – это тот, «кто смотрит, глядит на что-либо, на зрелище, видок, очевидец, очной бытчик», т.е. сторонний наблюдатель, внешний по отношению к совершающемуся. Можно смотреть и не видеть – это отражено в пословицах типа «Зряч, да не зорок»; быть зрячим и не прозреть – «И зрячий глаз, да не видит нас». Можно помнить, что у человека есть «зрак» – ‘лицо, вид, образ, лик, облик’, и при этом знать, что многое человек может делать «зря» – т.е. «наобум, как ни попало, как глянул или глянулось, бестолково, опрометчиво, без цели и надобности». И дело здесь не в отведенной человеку, в зависимости от ситуации, роли, а в его деятельном участии в том, чтобы из зрителя стать зрящим, чтобы из презируемого и ничего не стоящего человек превратился в то важное и значимое, что, по словам самого же Горького, должно «звучать гордо».

Список литературы

1. Горький М. Полное собрание сочинений. В 25 т. М., 1972. Т. 14. С. 470 – 481.
2. Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней св. Дмитрия Ростовского. Кн. IV. М., 1903. С. 305 – 514.
3. Кефалофор URL: <http://gorbutovich.livejournal.com/60394.html>. В 28 Песни «Ада» Данте (ст. 118 – 142) (см. также илл. Г. Доре к ней) этот мотив использован с ужасающей натуралистичностью, но по отношению к грешнику, а не святому.